

ДЕБЮТНЫЕ РАБОТЫ

Т. А. Загоруйко

Безналичные средства в семейном бюджете: меняются ли практики управления финансами?¹

ЗАГОРУЙКО Татьяна Андреевна — магистрант программы «Прикладные методы социального анализа рынков» НИУ ВШЭ. Адрес: Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Email: zagoruyko.ta@gmail.com

В данной работе изучаются практики управления безналичными средствами² в семейном бюджете современных московских домохозяйств. Фокус исследования именно на безналичных финансах обуславливается предположением о том, что с наступлением так называемой эры электронной экономики³, когда деньги становятся всё более абстрактными и невидимыми единицами, практики финансового семейного менеджмента, то есть способы, с помощью которых люди контролируют и распределяют свои ресурсы, могут измениться [Pahl 1999a].

В ходе исследования были проведены 20 полуструктурированных интервью с парами, проживающими на одной территории более полугода (соответственно в выборку вошли 10 домохозяйств). Анализ полученных данных позволил сделать следующие выводы: специфика практик управления безналичными финансами в домохозяйстве заключается в воспроизводстве при управлении бюджетом привычных схем в новых формах, с использованием новых средств, услуг и возможностей, которые предоставляет индивидуам электронная экономика. Новые формы могут быть очень специфичны, если речь идёт о воспроизводстве систем управления, выделенных Ж. Пал и К. Воглер, механизмов распределения финансовой власти, механизмов доступа и контроля за финансами партнёра в электронной экономике, а также с точки зрения смыслов, которые вкладываются в распределение новых форм денег.

Ключевые слова: электронная экономика; семейный бюджет; практики финансового менеджмента; системы управления семейными финансами; финансовая власть в домохозяйстве; безналичные финансы.

Введение

Хотя Россия сравнительно недавно вступила в эру электронной экономики [Гусева 2012], тем не менее уже можно говорить о массовом распростра-

- ¹ Автор выражает особую благодарность научному руководителю Ибрагимовой Диляре Ханифовне за неоценимую помощь, поддержку и вдохновение на всех этапах работы.
- ² Безналичные финансы включают не только электронные деньги (в узком их смысле) и виртуальные деньги, но *все средства, находящиеся не в наличном формате* (не в виде бумажных купюр) — на банковских картах, банковских счетах, вкладах, счетах небанковских платёжных систем и проч.
- ³ Электронная экономика (также цифровая, сетевая) — среда для осуществления хозяйственной деятельности с использованием цифровых телекоммуникационных сетей. При этом данная среда охватывает не только сферы электронной торговли и сервисов, но каждый аспект жизни — образование, здравоохранение и проч.

нении, например, банковских карт. По данным Национального агентства финансовых исследований (НАФИ), в 2015 г. большинство россиян (73%) являлись владельцами банковских карт. Меняются и практики их использования. Несмотря на то что долгое время больший процент в сфере использования карт от общих транзакций приходился на *снятие* наличных, доля держателей карт, оплачивающих с их помощью покупки товаров и услуг, значительно возросла (по сравнению, например, с 2009 г.) и на август 2014 г., по данным «Левада Центра», составила 47%. По данным Мониторинга финансового поведения населения НИУ ВШЭ, доля тех, кто использует карту для безналичных расчетов за товары и услуги в России, в 2015 г. составила 48%; доля тех, кто использует карты для оплаты товаров и услуг в Интернете — 20%, а для оплаты счетов через банкомат — 49%. Эти данные, по сути, являются свидетельством более активного использования карты в качестве платежного средства.

Приведённые выше опросные данные вполне согласуются со статистическими данными Центрального банка, которые свидетельствуют о том, что в 2012 г., впервые за всю историю развития рынка розничных платёжных услуг, доля безналичных операций превысила долю операций по снятию наличных (51% к 49% соответственно), а в I квартале 2017 г. разрыв составил 82% против 18%.

Итак, налицо увеличение доли не только держателей банковских карт, но, что более важно, *пользователей*, а также различных *направлений* использования карт. Активная популяризация банковских карт, всё большая виртуализация денег, переход на безналичные способы оплаты изменяют финансовое поведение населения, в том числе *практики управления финансами в семье* [Pahl 1999a].

Разумеется, внедрение новых денежных форм и их активное распространение не является единственной причиной изменения практик финансового менеджмента, а скорее, отражает более глобальные процессы и оказывает влияние на управление семейным бюджетом, действуя в комплексе с целым рядом причин — выход женщин на рынок труда, глобализация, трансформация демографических процессов, развитие технологий, изменение информационно-коммуникационной среды, изменение системы ценностей [Lott 2017]. Но наше внимание привлекло именно это явление.

Одно из неизбежных последствий всё большего распространения безналичных средств, описанных в литературе [Pahl 2008], это тот факт, что домохозяйства подталкиваются к системе независимого управления (по типологии Пал и Воглер [Vogler, Pahl 1994]), однако данный тип управления — самый малораспространённый в России, и соответствующий показатель не менялся в 1998–2015 гг. [Ибрагимова 2012: 33; Ibragimova, Guseva 2017]. Возникает противоречие, природа которого не вполне ясна и требует дополнительных исследований.

Действительно ли практики финансового менеджмента в России не меняются, хотя есть все основания предполагать обратное? В чём заключается *специфика практик управления безналичными финансами* в российских семьях в эру электронной экономики? Каковы механизмы распределения денег и власти в случае использования безналичных средств? Каковы смыслы, вкладываемые супругами в управление новыми формами денег? Поиск ответов на эти вопросы и является целью данной работы.

Однако, прежде чем перейти к более детальному описанию проведённого исследования, следует уточнить один немаловажный факт. Из формулировки темы работы может создаться ложное впечатление, что в исследовании пойдёт речь о динамике, об изменениях практик управления финансами *внутри* самих домохозяйств. Это не так. С помощью качественных методов, выбранных нами, это сделать невозможно, и мы не преследуем эту цель. Говоря об изменениях, мы имеем в виду отклонения от классических моделей систем управления и распределения финансов, описанных в литературе. Изучив практики управления *безналичными* средствами, мы соотнесли их с уже описанными в литературе подходами в отношении распределения наличных денег, выявив специфику первых.

Теоретико-методологические основы исследования

Теме распределения финансов в домохозяйстве посвящено немало научных публикаций. Несмотря на то что денежные и связанные с ними властные отношения в семьях оценивались на основе различных методик [Safilios-Rothschild 1970: 539–552], до 1960-х гг. большинство исследований данной области опиралось на *ресурсный подход* (модель экономического обмена) [Ибрагимова 2012: 24]: деньги рассматривались в терминах дохода, а власть и доминантная роль в принятии финансовых решений автоматически закреплялась за супругом с большим уровнем дохода, за основным добытчиком в семье. Таким образом, сторонники данного подхода считали, что вне зависимости от пола управление финансами лежит на том, кто приносит больше денег в семью. Иными словами, соотношение доходов определяет соотношение ролей в домохозяйстве.

Теория рационального выбора Г. Беккера также рассматривает распределение власти и денег в семье без привязки к гендерным ролям. Беккер пишет, что разделение ролей может быть продиктовано стремлением к максимизации полезности в домохозяйстве: специализация каждого из партнёров на области, в которой он наиболее эффективен, и инвестиции именно в эти навыки и умения со временем принесут большую отдачу [Беккер 2003: 600].

Данные подходы являются гендерно-нейтральными, хотя сами по себе заработки и прочие исходные условия распределения ролей и их последствия гендерно дифференцированы [Brines 1994: 654]. Однако властные отношения в браке не могут быть определены лишь экономической составляющей, они включают *гендерные роли*, регулируемые символическими проявлениями феминности и маскулинности, которые также играют важную роль [Brines 1994: 654]. Так, если мужчина воспринимается в семье как кормилец, то независимо от его дохода женщина будет ограничена в доступе к власти и распоряжению финансами.

Внутрисемейные отношения не могут не нести гендерной нагрузки и не предполагать некоторых взаимных ожиданий касательно реализации гендерных идентичностей в браке [Brines 1994: 655]. Таким образом, создавая семью, индивиды привносят в неё не только материальное, но и социокультурное, выраженное в том числе и во взглядах на распределение ролей и власти (и управления финансами) с позиции гендера [Ибрагимова 2016: 125].

К тому же не стоит недооценивать влияние прочих *культурно-исторических факторов* на практики распределения власти и финансов в домохозяйстве (например, саму традицию считать мужчину кормильцем семьи [Ridgeway 2011]). Эта традиция приводит к тому, что доллар, заработанный мужчиной, не является равным доллару, заработанному женщиной, так как заработки женщины считаются дополнительным домашним доходом, относиться к которому можно более легкомысленно, чем к заработку мужа [Зелизер 2004]. Идеология, закрепляющая за мужчиной роль добытчика и основного кормильца, приводит к асимметрии властных отношений внутри семьи [Burgoyne 1990].

Согласно *теории социальной множественности денег* В. Зелизер [Зелизер 2002], не существует каких-то универсальных, общих денег. В зависимости от ситуации, источника, предназначения, социальных отношений, в которых они участвуют, и от смысла, которым их наделяет индивид, все денежные средства различаются. Автор указывает, что множественность денег реализуется в трёх разных процессах: выпуск различных денежных единиц; использование денежных суррогатов; целевое распределение денег [Зелизер 2004].

Подытоживая ценность и вклад описанных подходов в настоящее исследование, можно сказать о том, что в данной работе будет использован взгляд на управление финансами в семье как на комплексное явление, которое нельзя рассматривать однобоко. В эру электронной экономики невозможно недооценивать роль экономических факторов и рациональности (подробнее вернёмся к данному тезису позднее, в контексте специфичности безналичных средств), однако есть основания полагать, что социокультурные и культурно-исторические факторы не потеряли своей значимости. Воспроизводство практик управления финансами, связанных с этими факторами, может иметь другие формы, чем при использовании наличных средств, но сами практики не исчезли с переходом к электронной экономике. Так, например, теория социальной множественности денег вполне применима и к безналичным финансам.

Подобное использование *комплексного подхода* можно наблюдать в работах Пал и Воглер, речь о которых пойдёт далее.

Типология систем управления семейными финансами Ж. Пал и К. Воглер

В конце 1980-х гг. развитию исследований в области распределения финансов и власти в домохозяйстве послужили работы британских социологов Ж. Пал и К. Воглер, которые, в отличие от своих предшественников, провели анализ большого числа количественных и качественных данных (массовых британских опросов, глубинных интервью, фокус-групп) с целью выявления *структуры и факторов*, влияющих на семейные отношения относительно денег, власти и распределения гендерных ролей [Ибрагимова 2012: 24]. В работе «Деньги и брак» Пал предложила следующую классификацию типов управления семейными финансами [Pahl 1983: 245–249]:

- 1. Система полного женского или мужского управления:** жена (муж) единолично управляет финансами и принимает решение по всем финансовым вопросам;
- 2. Система фиксированного бюджета на ведение домашнего хозяйства:** муж (жена) выделяет фиксированную сумму на расходы по ведению домашнего хозяйства, передаёт её жене (мужу), а остаток средств по своему усмотрению тратит на прочие расходы;
- 3. Система независимого управления:** оба супруга независимо распоряжаются доходами;
- 4. Система общего пула:** супруги наравне распоряжаются финансами, в равной степени принимают решения по финансовым вопросам. При этом пул может быть *частичным*, то есть супруги сбрасывают только часть денег в общий пул, а часть личных средств находится в распоряжении у каждого из них по отдельности.

Впоследствии эта схема была доработана и отредактирована совместно Воглер и Пал [Vogler, Pahl 1994: 265]; исследователи выделили следующие подтипы последней системы:

- 4.1 Мужской пул:** семьи, в которых ответственность за итоговое решение, а также оплату счетов лежит на мужчине;
- 4.2 Женский пул:** семьи, в которых за конечные решения ответственна жена;
- 4.3 Совместный пул:** равные власть и ответственность супругов за принятие решений относительно общего бюджета.

Данная типология не раз подвергалась проверке в исследованиях, на её основе выдвигались и некоторые другие классификации: например, шесть типов систем управления семейными финансами, предложенных К. Кинни для анализа американских домохозяйств [Kenney 2006]. Однако, учитывая специфику российского общества, немалое сходство его в данном аспекте с британским, а также принимая во внимание тот факт, что типология Пал и Воглер уже была применена к российским данным ранее [Clarke 2002; Ибрагимова 2012; Ibragimova, Guseva 2017], мы остановились именно на ней и используем её в качестве отправной точки в настоящем исследовании.

Говоря об исследованиях Пал и Воглер, посвящённых распределению власти при решении финансовых вопросов, необходимо выделить статью Воглер «Деньги в домохозяйстве: некоторые основополагающие проблемы власти» [Vogler 1998], где автор отмечает, что применительно к домохозяйствам вполне релевантна концепция трёхуровневого измерения власти С. Льюкса: помимо власти, реализуемой в непосредственном принятии решений (последнее слово в ситуации разногласия), следует признать проявлением власти манипулирование процедурой принятия решений с целью выведения спорных вопросов из разряда обсуждаемых и идеологическое влияние на формирование желаний заинтересованных сторон. В настоящем исследовании мы также не будем понимать власть в слишком узком смысле этого слова. Например, власть может проявляться в том, что определённые статьи бюджета — скажем, личные деньги мужа — являются «защищёнными» от пересмотра при снижении доходов семьи.

В отличие от одноуровневой и двухуровневой моделей власти, речь в которых идёт об актуальном (открытом или скрытом) конфликте, Льюкс фокусирует внимание на латентном конфликте [Льюкс 2010: 46]. Скрытая (латентная) власть может выражаться в неизменности системы управления, в том, что некоторые статьи расходов не обсуждаются, и проч. [Vogler 1998: 698]. Также асимметрия власти может осуществляться через влияние господствующей в домохозяйстве идеологии, основы которой не подвергаются сомнению (мужчина — кормилец и проч.). При этом основанием для выявления в домохозяйстве наличия латентной власти может быть неудовлетворённость одного из партнёров аспектами отношений, но при этом бездействие по данному вопросу [Ибрагимова 2016: 123].

Итак, обозначив основные концепты, которые будут использованы в дальнейшем, а также описанные в литературе теории, практики и механизмы распределения *наличных денег* и власти в домохозяйствах, можно перейти к специфике *электронной экономики и её продуктов*⁴.

Специфика безналичных средств

Большинство исследований безналичных финансов было осуществлено в рамках экономического подхода. При этом экономистов всегда больше интересовали индивидуальное использование новых видов банковских продуктов (объектом изучения было поведение индивида, а не домохозяйство), исследование последствий для экономической системы использования новых форм денег и более широких экономических вопросов, связанных с переходом к электронной экономике [Pahl 1999a]. В свою очередь, психологи фокусировали внимание на способах восприятия безналичных финансов потребителями [Lewis, Betts, Webley 1997]. С позиции социальной политики исследования новых форм денег в основном касались вопросов, связанных с доступом к кредиту, кредитным картам и неуплатам по ним в привязке к социальному положению и уровню доходов [Ford 1991].

Между тем у безналичных средств есть своя специфика, на которую не могли не обратить внимание ключевые исследователи данной проблемной области. Результаты массовых опросов, глубинных ин-

⁴ Продукты электронной экономики — это сервисы, услуги и конкретные продукты современных банков (банковские карты всех видов, электронные счета, онлайн-сервисы оплаты, интернет-банкинг, SMS-банкинг, мобильные приложения банков и т. д.).

тервью и фокус-групп показали следующие изменения, влияющие на практики управления финансами в семьях [Pahl 1999a; 1999b; 2000; 2008]:

- эра электронной экономики делает деньги *абстрактным* понятием, циркулирующие в ней потоки финансов *невидимы* — в отличие от ситуации, когда все деньги, циркулирующие в домохозяйстве, были наличными: их легко было в любой момент пересчитать, разложить по «кучкам» в зависимости от их предназначения, передать другому члену семьи, сложить в одно общее место и проч.;
- безналичные средства по своему существу являются индивидуализированной формой денег (у них всегда есть только один документально закреплённый хозяин), подталкивающей к индивидуализму в управлении финансами;
- банковские карты могут служить дополнительным фактором асимметрии власти: у банковской карты всегда есть основной и второстепенный пользователь (карта закреплена за её владельцем), и первый всегда будет в курсе трат второго;
- возможен и обратный случай асимметрии: безналичные средства сложнее контролировать, а также легче скрывать от партнёра.

Пал делает вывод о том, что нововведения электронной экономики, с одной стороны, меняют практики управления деньгами, а с другой — воспроизводят в новых формах ставшее традиционным неравенство мужа и жены в доступе к семейным финансам.

Остановимся чуть подробнее на таких важных понятиях, как «включённость»⁵ и «исключённость», введённых Пал из электронной экономики. В своих работах Пал пишет о специфическом свойстве электронной экономики, заключающемся в том, что она создает барьеры для некоторых категорий граждан в доступе к безналичным ресурсам [Pahl 1999b; 2008]. Каково, например, положение тех замужних женщин, для которых возможность обладания кредитной картой напрямую зависит от статуса занятости и уровня дохода мужа? Не имея возможности оформить часть банковских продуктов на себя, женщина как бы попадает в ловушку, лишая себя полномочий владельца новых форм денег, оказываясь в ситуации полного контроля за расходами со стороны мужа [Pahl 2008].

Статус занятости в электронной экономике играет ключевую роль; например, кредитные компании используют именно уровень дохода, статус занятости и кредитную историю в качестве измерения кредитоспособности. Соответственно, правом обладания кредитной картой могут воспользоваться далеко не все категории лиц или, по крайней мере, некоторые из них могут испытывать затруднения в доступе к подобным банковским продуктам: например, безработные, люди с неофициальным трудоустройством, пенсионеры, домохозяйки, студенты и др.

Разумеется, исследованиями безналичных средств в семье и практиками управления финансами в электронной экономике занимались не только Пал и Воглер, однако работы многих их последователей (см., например: [Yodanis, Lauer 2007; 2014; Bonke 2008; Shy 2008; Bennett et al. 2012; Mavrokonstantis 2015; Lott 2017]) развивают ту же логику, основываются на тех же предположениях и приходят к схожим выводам, главные из которых уже были обозначены и не требуют повторений.

⁵ Под включённостью в электронную экономику подразумевается наличие практик использования средств и услуг, предлагаемых электронной экономикой. В данном исследовании — преобладание использования безналичных средств над наличными, различные пути использования этих первых и связанных с ними услуг.

Итак, безусловно, у безналичных финансов и электронной экономики в целом есть своя специфика по сравнению с наличными деньгами. И хотя исследования практик финансового менеджмента с привлечением новых денежных форм проводились в западных странах и уже обозначили некоторые общие тенденции, российское население очень специфично, и его особенности, речь о которых и пойдёт далее, необходимо учитывать при анализе.

Исследования практик управления финансами в российских домохозяйствах

Практики управления финансами не являются гомогенными в масштабах всего мира, у каждой страны есть своя специфика. Несомненно, Россия в этом плане достаточно уникальна. Исследование С. Кларка продемонстрировало ряд особенностей развития страны, которые могут усилить интерес к её изучению в данной области [Clarke 2002]. Традиция женской занятости в России имеет более длительную историю по сравнению с развитыми странами Европы и США, более распространена модель, где оба супруга в домохозяйстве работают. В СССР практически отсутствовала привычная на Западе схема, при которой муж являлся кормильцем, а жена занималась хозяйством и детьми, не приносила дохода в дом. «Возвращение» женщины в семью произошло в России в начале 1990-х гг. и было связано в основном со сжатием рынка труда. В результате многим семьям пришлось перейти на модель, при которой работает только один из супругов (чаще всего это мужчина). Впоследствии женщины смогли сами решать, работать им или нет, и, если супруг зарабатывал много, вариант семьи с мужчиной-кормильцем получал более широкое распространение. Кларк отмечает, что в российском обществе наблюдается сосуществование двух идеологий — равенства полов во всём (оставшегося со времён СССР) и патриархальных установок в отношении гендерных ролей. Таким образом, российские домохозяйства представляют особый исследовательский интерес с точки зрения не только выбора конфликтующих идеологий, но и возможности их частичного совмещения.

Д. Х. Ибрагимова дополнила список Кларка специфическими характеристиками российского общества [Ибрагимова 2012: 27], указав на сохраняющуюся значительную долю многопоколенных домохозяйств и наличие более высокого уровня образования российских женщин по сравнению с мужчинами (что влияет на источники и уровень дохода).

В работе «Кто управляет деньгами в российских семьях?» Ибрагимова также применила типологию систем управления финансами Пал и Воглер к российским данным. В этой и последующей работе, написанной в соавторстве и опубликованной позднее [Ibragimova, Guseva 2017], были приведены скорректированные (по сравнению с работой Кларка) оценки доли домохозяйств с системой общего или частичного пула.

В итоге были получены следующие значения для российской выборки 2012 г.: система общего или частичного пула — 45,6%; модель женского доминирования — 25%; мужского — 23% (среди моделей с женским доминированием преобладает система полного управления: 22,3%; с мужским доминированием — система фиксированного бюджета, контролируемого мужчиной: 17%), система независимого управления — 4% [Ибрагимова 2012: 33]. Результаты исследования демонстрируют влияние на тип управления финансами в домохозяйстве следующих факторов: уровень среднедушевого дохода, пол, семейный стаж пары, образование жены, а также наличие того же типа управления финансами в семье родителей (последняя детерминанта зависит от того, кто отвечает на данный вопрос).

Вместе с тем в исследовании Ибрагимовой деления на безналичные и наличные средства также не проводилось, что обуславливает актуальность проведённого нами исследования.

Информационная база и методология

Для достижения цели исследования были использованы качественные методы сбора и анализа данных. В ходе сбора данных были проведены полуструктурированные интервью, следующие логике заранее разработанного гайда, с 10 семейными парами, проживающими совместно, на одной территории более полугода, в браке или нет (не имеет значения), то есть итоговая выборка составила 20 человек.

Интервью с каждым супругом (партнёром) проводилось отдельно (без присутствия второго); по возможности — в один день, без предупреждения каждого из них о том, что интервью будет проводиться и со вторым, чтобы ответы заранее не согласовывались.

Предпочтительным был вариант проведения интервью непосредственно на территории проживания супругов (партнёров), так как тема беседы связана с семьёй и бытом, а также с сензитивной темой финансов, поэтому предполагалось, что домашняя обстановка является наиболее комфортной для подобного разговора, и вероятность искренних ответов будет выше. В дополнение использовались иные способы обхода сензитивности: указание на анонимность интервью, конфиденциальность полученных данных, выбор для интервью тихого и спокойного места, создание атмосферы дружественного разговора, а не формального интервью.

Итоговый массив данных (транскрипты интервью) далее подвергался кодированию: сначала было применено открытое кодирование как первая попытка конденсирования данных (были вынесены на поверхность основные темы и концепты из глубин массива), затем применялось осевое кодирование (второй проход, когда внимание фокусировалось уже не столько на самих данных, сколько на результатах первичного кодирования, на установлении ключевых взаимосвязей, на осях основных концептов), и в заключение данные были подвергнуты выборочному кодированию (то есть внимание уделялось случаям, иллюстрирующим ключевые темы и идеи, их сравнению и противопоставлению и проч. после того, как анализ был уже выстроен вокруг центральных обобщений и идей).

В исследовании была использована целевая выборка. Что касается критериев отбора самих домохозяйств, то, во-первых, интервью проводились только с жителями Москвы (причины указаны выше).

Во-вторых, чтобы избежать смещения фокуса, было принято решение ограничить выборку ещё одним критерием: стаж сожительства. В выборку вошли только пары со стажем сожительства не более 10 лет, то есть в расчёт принимались домохозяйства, сформировавшиеся уже в эру электронной экономики. Таким образом, интервью были направлены не на анализ динамики, а на выявление специфики именно нынешнего управления финансами, они не включали вопросы на припоминание, ретроспективу. В итоге основная часть респондентов была представлена «молодыми» парами, изначально включёнными в электронную экономику, практики управления финансами которых формировались уже с использованием безналичных средств.

Ещё один критерий отбора респондентов был взят из работ Пал, в которых она утверждает, что при управлении *безналичными* средствами решающую роль играет статус *занятости супругов*, и выделяет следующие категории домохозяйств [Pahl 1999b]: (1) полная занятость обоих супругов; (2) полная занятость мужа при частичной занятости или отсутствии занятости жены; (3) женщина — главный кормилец; (4) оба супруга на пенсии; оба супруга безработные.

Во избежание смещений было бы необходимо включить все данные категории домохозяйств в состав выборки, однако в настоящем исследовании мы использовали логику Пал, показавшей, что две последние категории наименее включены в электронную экономику [Pahl 2008] (а исходя из уже указанного выше критерия стажа сожительства не более 10 лет, пенсионеры не представляют для нас исследо-

вательского интереса). Таким образом, всего одно домохозяйство было отобрано для репрезентации безработных партнёров, в то время как три остальные категории являются равно наполненными (см. табл. 1). Более подробно с ключевыми характеристиками итоговых информантов можно ознакомиться в таблице П.1 приложения.

Также обязательным условием на этапе отбора информантов была включённость домохозяйства в электронную экономику (оба супруга (партнёра) должны были пользоваться безналичными деньгами). При этом учитывалось процентное соотношение использования наличных денег к безналичным (эта информация была получена из ответов информантов на ряд вопросов: «Вы чаще используете наличные средства или безналичные? В каком примерно процентном соотношении? Циркулируют ли наличные деньги в вашем домохозяйстве? Для каких целей и операций вы используете наличные деньги, а для каких безналичные? Есть ли какие-то статьи расходов, которые оплачиваются исключительно наличными или безналичными средствами?»). В результате в выборку были включены информанты, для которых доля безналичных средств во всём обороте финансов в домохозяйстве составляет не менее половины.

Поиск пар на начальном этапе осуществлялся при помощи социальных сетей «ВКонтакте» и Facebook, где из круга контактов автора были отобраны потенциально подходящие для интервью информанты. В дальнейшем домохозяйства отбирались как по рекомендациям уже проинтервьюированных пар, так и через социальные сети.

Таблица 1

Критерий рекрутинга домохозяйств

Номер домохозяйства	Статус занятости партнёра
1	Полная
2	
3	
4	
5	Полная мужа; неполная жены
6	
7	Женщина — основной кормилец
8	
9	
10	Оба безработные

Результаты исследования

Смысловые блоки эмпирического анализа фокусируются на следующих тематических блоках:

- выявленные особенности систем управления безналичными средствами, соотнесение их с четырьмя, выделенными Пал и Воглер, наиболее устоявшимися в литературе;
- выявленные механизмы принятия решений по финансовым вопросам и распределения власти;
- механизмы доступа и контроля финансов партнёра в электронной экономике;
- смыслы, вкладываемые в распределение безналичных финансов супругами (партнёрами).

Системы управления безналичными средствами

Изначально предполагалось, что благодаря специфике безналичных средств и электронной экономики в целом выявленные системы будут значительно отличаться от типологии Пал и Воглер и включают либо *дихотомию* (два независимых экономических агента vs единая экономическая ячейка), либо некоторые *новые комбинации*, не описанные в литературе. Однако в результате в выборке из 10 домохозяйств удалось зафиксировать *все* описанные Пал и Воглер типы, но они обладают некоторыми особенностями: системы управления воспроизводятся в новых *формах*, с помощью новых *средств и возможностей* электронной экономики.

В целом среди описанных информантами практик управления финансами можно выделить два направления. Первое — противостояние банковским системам и прочим элементам электронной экономики, нежелание иметь дело с дополнительными издержками взаимодействия с банками. Такие домохозяйства в проведённых интервью тяготели к системе независимого управления. Выбирая данную стратегию, пары объясняют её отсутствием лишних неудобств, «заморочек», нежеланием прилагать дополнительные усилия, чтобы менять ситуацию, которая их и так устраивает:

Да, получается ему же приходит на его счёт зарплата, мне будут с работы на мой счёт перечислять, то есть нам нужно создавать ещё один счёт в банке, и с наших карточек эти деньги переводить. И если, например, у нас банки будут не совпадать, за каждый перевод будут сниматься деньги, это будет очень неудобно (Елена, стаж сожительства — пять лет, замужем, временно не трудоустроена).

При этом интересно отметить, что тип независимого управления, по сути, не является в данном случае полностью отрефлексированным выбором; он, скорее, выступает как некая изначальная данность: пары просто считают издержки времени, сил и бумажной волокиты на объединение счетов, на введение дополнительных механизмов перераспределения слишком высокими. Кроме того, из интервью вытекало, что данные домохозяйства в меньшей степени были включены в электронную экономику (меньше используют её возможности и продукты) — наличие или отсутствие корреляции между указанными выше признаками можно проверить в дальнейших количественных исследованиях.

Не знаю, если честно... А как по-другому? Это надо тогда заводить отдельную карту <...> Ну да, и одна карта, нас двое. А, ну есть ещё общие счета, но это так заморачиваться нужно!.. (Тимофей, стаж сожительства — четыре года, женат, временно не трудоустроен).

Вторая стратегия — активное взаимодействие с банковской сферой, использование дополнительных возможностей электронной экономики при ведении бюджета. Домохозяйства, выбравшие данный путь, активно внедряют в практики распределения финансов безналичные переводы, создание новых карт и счетов, используют различные дополнительные продукты и услуги банковских систем и т. д.

Механизмы управления финансами в случае выбора второго варианта более специфичны и разнообразны с точки зрения форм их реализации, однако в дальнейшем анализе будут приведены особенности практик управления финансами в домохозяйствах вне зависимости от приверженности той или иной стратегии. Рассмотрим, какие отличительные черты приобрела каждая из систем, какие новые средства и формы используют пары при их воспроизведении.

Система общего и (или) частичного пула

Воспроизводство системы общего и (или) частичного пула в домохозяйствах, включённых в электронную экономику, возможно через ряд практик. Прежде всего изменилась форма самого пула: сложить

все *безналичные* деньги или их часть в одно физическое место с равным доступом к нему для обоих супругов невозможно без перевода в наличный формат, поэтому пары используют цифровые формы для создания такого места — *банковский счёт, банковскую карту*.

Сами практики информанты описывали следующим образом: создаётся общий счёт (привязанный к карте партнёра с наибольшим заработком или новый) или выпускается новая карта (также был предложен сценарий с уже существующей в домохозяйстве картой), к которым открыт доступ для обоих супругов. Для этого при открытии счёта к нему привязываются две карты; при использовании карты она либо передаётся между супругами (то есть ПИН-код от неё знают оба), либо к ней выпускается дубликат. Передаваемая карта может быть как дебетовой, так и кредитной.

Специфика такого сценария в электронной экономике заключена в том, что у счёта или карты обязательно должен быть *один хозяин* с формальной точки зрения (тот, чьё имя отражено во всей документации). При этом вторая карта так же может быть именной, но владельцем считается только один из супругов.

У хозяина карты и (или) счёта есть ряд привилегий: в его власти полный контроль над дочерней картой, то есть он может устанавливать лимит на карту-дублёр, следить за всеми расходами по ней (ему приходят все уведомления об операциях по второй карте, в то время как уведомления по главной карте не приходят владельцу второй) и проч. Иными словами, у самого безналичного пула в электронной экономике *всегда* есть формальный владелец (что не противоречит типологии Пал и Воглер, но является особенностью именно безналичного формата). Однако с точки зрения *распределения финансовой власти* дело обстоит не так очевидно, и к этому вернёмся чуть позднее.

Необходимо также отметить, что наличие общего счёта и (или) карты может расцениваться как очевидный индикатор высокой степени сплочённости домохозяйства.

Система полного мужского или женского управления

Да какая ж тут схема? Матриархат. Не то чтобы мама строгая какая-то, просто так было построено. Папа этих карточек своих, по-моему, и в глаза-то не видел ни разу (Антон, стаж сожительства — три года, не женат, полная занятость).

Данная система воспроизводится в электронной экономике путём концентрации безналичных средств в руках одного из супругов и также имеет ряд особенностей. Передача средств остальным членам домохозяйства происходит *безналичными переводами*, а также *передачей в пользование карт*.

Сюжет, приведённый в цитате-эпиграфе, наблюдался в семье родителей информанта, но подобные практики в собственном опыте проинтервьюированные пары не выделили. Данный сценарий является очень интересным, так как приведённые выше схемы в настоящем исследовании связаны с тем, что у второго супруга вообще нет денег, нет доходов (или они ничтожно малы), а схема, озвученная информантом, чьи слова вынесены в эпиграф, подразумевает именно практику *перераспределения* финансов.

Система фиксированного бюджета на ведение домашнего хозяйства

Данная система воспроизводится в электронной экономике практически без изменений; меняется только формат, в котором передаются деньги: он безналичный (перевод по карте).

Да, я просто прям сразу перевожу ей на всё для бытового пользования, оставляю себе только на еду, на необходимое (Кирилл, стаж сожительства — полгода, не женат, полная занятость).

Меняется также сам формат ведения семейного бюджета, он становится более цифровым, активно используются новые технологии. Например, была отмечена практика, когда часть денег передавалась мужу на ведение домашнего хозяйства (безналичным переводом между картами), так как на его карте подключена услуга автооплаты счетов. Остальные статьи расходов на домохозяйство также оплачивались с помощью карты.

Система независимого управления

Система независимого управления в электронной экономике — своеобразная схема управления финансами «в состоянии покоя». Она не предполагает особых взаимодействий с банковской средой при распределении финансов (за исключением разве что редких безналичных переводов) и использования дополнительных услуг.

Её особенность в том, что в электронной экономике данный тип, скорее, отражает отсутствие всякой системы (в интерпретации самих пар), то есть она, скорее, является признаком того, что в домохозяйстве ещё не установилась какая-то конкретная постоянная система управления финансами. Безусловно, этот тип может также отражать тенденцию индивидуализации, автономизации партнёров, однако тут не ясна причинно-следственная связь: супруги используют систему независимого управления, потому что автономны, или индивидуализация происходит в том числе и из-за того, что исходный порядок управления финансами в электронной экономике (автономные счета) подталкивает их именно к системе независимого управления (отражая при этом влияние более глобальных факторов)?

Возможно, ответ на этот вопрос можно найти, проанализировав представления информантов об идеальной системе управления деньгами. Часть пар с существующей системой независимого управления были не вполне удовлетворены настоящей схемой и описывали в качестве идеального вариант частичного пула. Это может служить показателем того, что нынешняя автономность — скорее, вынужденный вариант, начальный этап, и в дальнейшем домохозяйство всё же перейдёт на систему, подразумевающую взаимодействие с банковской системой, несмотря на те издержки, которые сейчас воспринимаются как слишком большие.

Как я вижу, идеально — это <...> какая-то часть из зарплат складывается в общий бюджет, на банковский счёт, например, который идёт на продукты, на детей в будущем, на квартиру, грубо говоря, но и есть личные средства, которые он может потратить на одно, я могу потратить на совсем другое. И чтобы ещё можно было что-то откладывать. Это идеально (Мария, стаж сожительства — год, не замужем, полная занятость).

Однако в выборке была также семья, довольная независимым управлением, что свидетельствует, скорее, о том, что нынешняя система отражает взгляды партнёров на брак и семью, а не влияние электронной экономики. Интересно также отметить, что в ответах данной пары заметны тенденция ссылаться на общепринятые стандарты, чувство несоответствия своих практик социально одобряемым установкам о совместном ведении семейного бюджета в российских домохозяйствах.

В целом, наверное, меня устраивает вариант (больше, чем устраивает, даже нравится), когда каждый имеет свой бюджет и им распоряжается. Но я знаю и видела примеры, когда люди просто там типа делят свою зарплату — 70 на 30 (Речь о процентном соотношении. — Т. З.). Тридцать вкидывают в общий бюджет или там наоборот, не знаю — там 40. Ну, не

знаю, найти долю, которая не так сильно бьёт по самолюбию, и отдавать её в общий бюджет и там складывать на общие нужды. А остальное... Ты можешь сам распоряжаться. Но не знаю, нужно ли это нам (Анна, стаж сожительства — три года, не замужем, полная занятость).

Таким образом, нельзя однозначно ответить на вопрос о том, как связан выбор системы управления семейными финансами и нововведений электронной экономики. Однако то, что влияние электронной экономики на независимость в управлении семейными финансами возможно (это отмечалось самими информантами в ходе интервью), представляется важным исследовательским результатом.

Механизмы принятия решений по финансовым вопросам и распределения власти

Что касается механизмов принятия решений по финансовым вопросам и распределения власти, то в процессе анализа удалось обнаружить некоторые их специфические черты в электронной экономике.

Во-первых, были выявлены сценарии, демонстрирующие такую специфику безналичных средств, как их способность *усиливать определённые властные отношения* в паре, ещё более, чем в ситуации с наличными, подчёркивать власть того, у кого денег больше. У всех операций, транзакций, выплат и просто денег есть хозяин. И если закрепления владения наличными деньгами за кем-то одним можно было избежать, обезличить деньги (перемешав их, распределив и проч.), то с безналичными средствами так поступить не удаётся. При этом сами партнёры в электронной экономике могут и не преследовать цели усиления своей власти такими способами; например, иногда даже при переводе денег с карты владельца на карту второго партнёра эти деньги всё равно продолжают восприниматься обоими как средства первого.

В электронной экономике легче отследить, кто же действительно больше получает, больше тратит, за кем закреплено больше финансовых обязательств и т. д.; в ней больше автоматической формальной документации. Но при этом не всегда такой формальный подсчёт может указывать на *реальную* власть партнёра, поэтому судить об этом, обращая внимание лишь на внешнюю сторону вопроса, в корне неправильно. Важнее *смыслы*, вкладываемые супругами в распределение безналичных финансов и в конкретные формы и суммы денег.

Все основные финансы сосредоточены у меня всегда. Но при этом мы стараемся не делить: мои деньги — его деньги <...> У нас все деньги общие и каждый берёт сколько ему нужно, но это вот немножко осложнено тем, что вот основной контроль находится у меня, потому что без моего ведома он у меня априори не сможет взять с карты (Анастасия, стаж сожительства — два года, замужем, неполная занятость).

В электронной экономике действительно важную роль при распределении власти в домохозяйстве играют объективные, социально-экономические характеристики. Однако *противостояние* логики ресурсного подхода (а также теории рационального выбора) и модели распределения гендерных ролей может быть заметно при обсуждении механизмов принятия решений по важным финансовым вопросам.

Например, так как у безналичных денег всегда есть хозяин, а мужчины в России, как правило, зарабатывают больше, велика вероятность того, что документы, карты, счета, кредиты будут оформляться именно на мужчину (как на более выгодного клиента банка), тем самым это подталкивает домохозяйство к возможной ситуации увеличения финансовой власти мужа (с точки зрения ресурсного подхода). В проинтервьюированных домохозяйствах нашла отражение, скорее, эта тенденция, чем предполагаемый сдвиг в сторону индивидуализации и автономизации.

Почему кредитка оформлена на меня? Наверное, потому что основная часть дохода всё же на мне. Соответственно это подразумевает, что на моей карте денег должно быть больше, чем на карте девушки. По факту, как Вы видите, это не так, но это никого не волнует (Кирилл, стаж сожительства — полгода, не женат, полная занятость).

Кроме того, феномен большей исключённости из электронной экономики женщин также находит отражение в эмпирических данных. Проинтервьюированные женщины признавали, что задумывались о позиции банка, для которого они являются не столь привлекательными клиентами, как их мужчины. Властное положение женщины с формальной точки зрения может ослабевать, она попадает в ловушку (все финансовые продукты оформлены на мужа, и через них он может контролировать все её расходы).

На мужа... Потому что у него есть кредитная история, у него больше возраст, и на тот момент я мало ещё работала, то есть мне бы кредит, скорее всего, не дали (Виктория, стаж сожительства — 2,5 года, замужем, полная занятость).

Стоит отметить, что в подобную ловушку попадают также и нетрудоустроенные мужчины: распределение финансов в электронной экономике как таковое с формальной точки зрения является гендерно-нейтральным; грубо говоря, у кого больше денег, тот получает больше привилегий. Не исключено, что источник неравенства следует искать не в сфере электронной экономики, а в состоянии умов (массового сознания), которое привержено идеологии маркирования гендерных различий. Свою лепту вносит популярное представление «мужчина — кормилец», уже укоренившееся в сознании людей. Таким образом, оформление документов и продуктов банка на мужчину может обуславливаться и этой логикой, даже если с точки зрения фактического соотношения доходов это не так.

Нельзя отрицать влияния гендерных норм на сами практики управления и механизмы распределения власти, их не способны победить даже формализующие процессы электронной экономики: как видно из процитированного ниже фрагмента интервью, это влияние сохраняется и воспроизводится с использованием новых форм:

Раньше, например, в похожих ситуациях финансовых, если женщина давала налом деньги мужчине, чтобы он расплатился в ресторане, то это было совсем другое ощущение по сравнению с ситуацией, когда тебе под столом передаётся карта. Вот даже знаешь ты ПИН, но там же указан владелец! Очень стыдно, так и ждёшь косых взглядов официантов <...> Или что кто-нибудь скажет: «Мальчик, а ну пошёл вон отсюда!» (смеётся) (Никита, стаж сожительства — два года, женат, временно не трудоустроен).

Информанты упоминали такие практики воспроизведения гендерных ролей в электронной экономике вне зависимости от формального распределения доходов, как оплата мужчиной счетов, совместных развлечений, крупных покупок, а также любых покупок «на людях», причём подобные практики важны и для мужчины, и для женщины в равной мере.

В электронной экономике стратегии финансового поведения партнёров «на людях» также подчиняются распределению гендерных ролей и их демонстрации окружающим, воспроизводству. Новые формы денег дают возможность не только подчеркнуть власть внутри пары, но и продемонстрировать наличие данной власти, а точнее, показать её соответствие традиционному распределению гендерных ролей. У супругов есть новые инструменты, предоставленные электронной экономикой, для того чтобы подтверждать гендерные идентичности на публике, скрывая реальную кухню властных отношений в семье, «за кулисами» (простой обмен картами, безналичные переводы, использование неименного пластика и проч.).

Ещё один плюс нашей схемы — внешне, со стороны, выглядит, как будто за всё платит мужчина... А вот эта операция, так сказать, перевода денег в конце месяца — остаётся за <...> иторами, за кулисами. Вот... И о ней знают только посвящённые (Дмитрий, стаж сожительства — полгода, не женат, полная занятость).

Всё большее равноправие мужчины и женщины в сфере труда может только усугублять конфликт гендерной идентичности внутри союза: безличными средствами подчёркивают неравенство в доходах и стимулируют тем самым дополнительные переживания по поводу неоправданных ожиданий от реализации гендерных идентичностей в браке.

Я понимаю, что сейчас женщины наравне с мужчинами, всё прекрасно, равноправие. Но хочется ощущать поддержку и опору со стороны мужчины. И ему тоже неприятно. По нему видно. Мужчина тоже хочет, но тут ещё складывается: хочешь — делай, возьми быка за рога и паши тогда. На этой почве иногда меня пробирает. Я долгое время работала на двух работах, то есть совмещала, без выходных. На той работе, на которой я сейчас работаю, мне очень тяжело, у меня большие задержки зарплаты. Мне просто бывает тяжело (Мария, стаж сожительства — год, не замужем, полная занятость).

В рамках анализа распределения власти рассмотрим также концепцию *латентной власти* по Льюксу в ситуации управления безличными средствами, выявив её признаки в домохозяйстве в условиях электронной экономики.

Латентная власть, заключающаяся в конфликте «реальных интересов» (выбор при ситуации автономии) и выражающаяся через влияние на идеи и ценности объекта, может быть выражена через определённые индикаторы. Например, неприкосновенность карт и (или) счетов одного из супругов, то есть их закреплённость за одним из супругов даже в ситуации необходимости перераспределения финансов в бюджете, безусловность этого вопроса, связанная с идеологической приверженностью устоявшейся модели. Такая позиция является свидетельством невидимого контроля над формированием желаний партнёра.

В практиках проинтервьюированных домохозяйств это нашло отражение в установленном проценте вложений в пул со стороны жены (который был определён на уровне 20%, когда жена приносила именно этот доход в общий доход домохозяйства) и его неизменности, в отсутствии корректировок при росте её заработков.

В процессе дальнейшего анализа распределения власти была отмечена специфика установок, касающихся того, кто является главой домохозяйства и кто должен ею быть. Хотя не было получено доказательств подтверждающих, что представление о мужчине как об основном кормильце пошатнулось [Vogler, Brockmann, Wiggins 2006], многие мужчины-информанты не хотели называть себя в качестве главы семьи, и лишь единицы признали собственную власть.

Причём данная особенность зафиксирована исключительно в ответах мужчин. Женщины-информанты, наоборот, стремились приписать мужчине в своём домохозяйстве как можно больше властных характеристик, рассуждая о механизмах принятия решений по финансовым вопросам, а, отвечая на вопрос про главу семьи, лишь несколько из них отклонились от традиционного «муж — глава, потому что он мужчина».

Мужчины при ответе также пользовались стереотипными характеристиками, приписывая их своим женщинам:

В любой семье главная — женщина. Я так считаю. Хранительница очага (Максим, стаж сожительства — год, не женат, неполная занятость).

Ответы, не связанные со стереотипами и распределением гендерных ролей, включали категории, которые можно отнести к последствиям «кризиса маскулинности» [Здравомыслова, Тёмкина 2002]. Например, нежелание демонстрировать качества, соответствующие типичной модели мужского поведения, невозможность проявления традиционно мужских ролей и проч.

Я не люблю себя главой вообще чего угодно считать. Особенно на людях я говорю, что подкаблучник (улыбается). На работе, например. Я говорю, что я требую, но все споры — к начальнику. Вот это надо сделать. А все споры — это к начальнику идите, с ним разбирайтесь (Кирилл, стаж сожительства — полгода, не женат, полная занятость).

Механизмы доступа к финансам партнёра и контроля над ними в электронной экономике

Переходя к анализу механизмов доступа к финансам партнёра и контроля финансов партнёра в электронной экономике, в первую очередь ответим на вопрос, вытекающий из анализа литературы: действительно ли специфика безналичных средств подразумевает тот факт, что их сложнее контролировать и легче скрывать?

И да, и нет. Безусловно, электронная экономика предоставляет партнёрам широкие возможности в плане ограничения доступа друг друга к финансам (априори безналичные финансы действительно сильнее «защищены»: ПИН-коды, пароли, «кодовые слова», SMS с кодами подтверждения транзакций и проч.), но это лишь новые способы осуществления подобных практик; определяющим же фактором будет являться характер внутрисемейных отношений.

В ситуации использования безналичных средств практики доступа к ним и их контроля со стороны партнёров могут очень многое рассказать об отношениях между ними, о взглядах на брак, семью и проч. Так, например, ситуация, в которой с переходом домохозяйства на безналичные средства партнёры стали больше скрывать свои личные финансы и ограничивать доступ партнёра к ним, будет свидетельствовать о наличии стремления к подобным практикам и прежде, до перехода, когда у супругов было меньше возможностей и средств эти практики осуществлять.

Пластиковая карта, в моем понимании, это очень гибкий финансовый инструмент, который можно настроить разными способами. С помощью пластиковой карты можно как ограничить, так и дать полную возможность, так и дать частичную возможность использования своих личных средств членам твоей семьи <...> Это намного более гибкий инструмент и более удобный, чем копилка с наличными деньгами (Дмитрий, стаж сожительства — полгода, не женат, полная занятость).

Практики контроля могут включать отслеживание трат. Причём современные технологии предоставляют партнёрам целый набор средств для осуществления этого: специальные программы, приложения, цифровые продукты самих банков, интернет-банкинг, SMS-оповещения и проч. Важной особенностью является необходимость знания паролей (электронная экономика заботится о безопасности безналичных финансов и их пользователей).

С данной особенностью связан концепт *доверия* и его интерпретации в домохозяйствах. В этом случае наблюдаются два основных подхода: (1) доверие как полное знание (полный доступ к финансам партнёра) и (2) доверие как отсутствие необходимости этого знания.

Продолжая анализ механизмов доступа и контроля, рассмотрим их в рамках всех четырёх систем семейного финансового менеджмента, обозначенных выше. Несмотря на то что данный аспект управления безналичными финансами является одним из *наиболее сензитивных*, всё же удалось выявить некоторые практики «скрытого контроля» наряду с использованием механизмов открытого контроля, наблюдаемых только в ситуации системы полного мужского или женского управления финансами.

Итак, в ситуации использования *системы общего и (или) частичного пула* осуществлять контроль очень просто, даже со стороны держателя дочерней карты. Владелец пула может беспрепятственно контролировать финансы партнёра, имеет полный доступ к ним, в то время как партнёр может отслеживать траты хозяина счёта и (или) карты по изменениям остатка средств (этой информацией он априори обладает) и по перечню трат в интернет-банкинге (доступ к которому ему необходимо получить через владельца).

SMS по вот той вот карте, которая дублёр, которая на меня записана, ему приходят. То, что тратит он, я не знаю, мне приходят только мои. Но по остатку счета с этих SMS по моим тратам я могу видеть, сколько потратил он, а из обсуждений могу понять, на что какие суммы уходили (Дарья, стаж сожительства — полгода, не замужем, временно не трудоустроена).

Однако стратегии партнёра в данном случае подразумевают, что контроль осуществляется уже после совершения непосредственных операций, возможности повлиять на них в процессе нет. Для контроля безналичных финансов в *процессе* распоряжения финансами (а не *post factum*) пары прибегают к традиционной стратегии обсуждения предстоящих покупок.

В *системе полного мужского или женского управления финансами* механизмы доступа и контроля выражены в открытом применении всех властных привилегий хозяина карты и (или) счёта. В данном случае полный контроль «управляющего» неизбежен, он может вводить лимит трат партнёра в денежной сумме, он информируется обо всех расходах партнёра, может сам определять статьи этих расходов, вводить запреты и проч.

В *системе фиксированного бюджета на ведение домохозяйства* контроль за общей частью финансов может осуществлять тот, кому они передаются. Контроль же за остальными финансами осуществляется, например, «под прикрытием» ведения общей бухгалтерии, учёта расходов и доходов домохозяйства в целом. Ответственный за ведение данного учёта получает доступ к защищённым безналичным финансам партнёра и может отслеживать все его траты. Даже в отсутствие знания непосредственных паролей и кодов, в отсутствие прямого доступа, у партнёра есть возможность отслеживать количественные изменения известных ему параметров.

Система независимого управления в интерпретации информантов не требует наличия доступа или контроля. В сознании информантов проводится разграничение между физическим доступом к картам и (или) счётам, физическим контролем безналичных средств и абстрактной категорией доступа и контроля. Специфика абстрактной категории доступа заключается в том, что один из партнёров полагает, будто обладает доступом к средствам второго теоретически, но практически не прибегал к данной практике. Такой сценарий может наблюдаться в системе независимого управления.

Я имею к ним доступ через партнёра. То есть физически нет, но я считаю, что мы всё же контролируем друг друга (Сергей, стаж сожительства — семь лет, женат, временно не трудоустроен).

В качестве интересной стратегии ухода от контроля безналичных финансов со стороны партнёра (при наличии системы общего пула) выступает смена самой системы управления (механизм *закрытия* доступа) в сторону большей автономизации.

Смыслы, вкладываемые в распределение безналичных финансов

Одним из исходных предположений исследования было наличие новых смыслов и новых проявлений дифференциации такой, казалось бы, унифицированной и стандартизированной формы денег, как безналичные финансы. В процессе анализа данных были выделены несколько уникальных смыслов проявления дифференцированного подхода к распределению безналичных денег и целевому их предназначению.

Во-первых, сами безналичные средства воспринимаются индивидами как особая категория, которая абстрактна, невидима, а значит, и сложнее контролируема в процессе использования. При этом в ситуации использования кредитной карты данные признаки усиливаются, деньги тратятся легче, их сложнее держать под контролем.

Когда платишь с карты, не ощущаешь, как ты их тратишь (с мех). Когда у тебя в кошельке лежит пачка денег и ты их тратишь, ты понимаешь, что у тебя остаётся мало, и можешь себя ограничить... Когда у тебя на карте приходят циферки, просто ты не так следишь за этим (Александр, стаж сожительства — два года, женат, полная занятость).

Во-вторых, сохраняется дифференциация денег по их источнику. С точки зрения специфики безналичных финансов можно выделить различия в практиках распоряжения, например, зарплатными картами и социальными.

Деньги с социальной карты считаются «лёгкими», отношение к ним менее серьёзное, чем, например, к средствам, заработанным большим трудом (с зарплатной карты). Тратятся поэтому финансы с социальной карты быстрее, легче, менее рационально и бережливо, ценность таких денег ниже.

Я постоянно забываю, что на социалке что-то есть. Я ей как-то так разбрасываюсь (Ксения, стаж сожительства — полгода, не замужем, неполная занятость).

Открытым остаётся количественный вопрос о зависимости размера выплат и отношения к ним респондента, о возможности связи между традиционно меньшими трансфертами на социальные карты (по сравнению с зарплатными) и небрежным с ними обращением, чего на данном этапе исследования отрицать нельзя.

Также выделяются особые карты в домохозяйствах по их целевому назначению. Были выявлены следующие типы карт по данному критерию: для совершения покупок в Интернете; для хранения сбережений и (или) оплаты кредита; для переводов на прочие собственные или сторонние счета.

Перечисленные типы используются только для обозначенных операций. Такое разделение продиктовано как простым удобством, так и механизмами обеспечения безопасности безналичных средств.

Целевое распределение средств выражается также в присутствии различных категорий трат, как это было в ситуации с наличными. На смену конвертам или жестяным банкам-копилкам пришли, например, выделенные статьи расходов в Excel-файле, в котором прописан их потолок, лимит, поэтому перераспределение безналичных средств по категориям также может быть затруднено, хотя фактически

перегородки между ними абстрактны, существуют в сознании людей и в цифровом формате в таблице учёта расходов.

Мы разделили совместные расходы на четыре категории, по каждой мы указываем примерные границы, в рамках которых мы должны укладываться в тот или иной месяц. Значит, первое — это коммунальные услуги, ЖКХ и всё, что связано с квартирой. Ну, обязательные платежи, так сказать. Вторая — это совместные покупки продуктов в холодильник. Вот... И третья статья расходов — это совместный досуг. Четвёртая статья — это заправка полного бака автомобиля в месяц (Дмитрий, стаж сожительства — полгода, не женат, полная занятость).

При управлении безналичными финансами также проводится разделение на «женские» и «мужские» деньги. К картам жён наблюдается менее серьёзное отношение. Кроме того, общая карта или основная карта, как уже отмечалось, в проведённых интервью считается мужской, а карты в распоряжении женщины — её личные средства, рассматриваемые как добавочные (даже в ситуации равного соотношения доходов). Наблюдается также практика целевого назначения женских денег на отпуск или в качестве сберегательной карты, то есть мужские деньги и (или) карты используются, а женские — откладываются.

Выявлены были и принципиально новые смыслы, приписываемые безналичным деньгам; в частности использование карты и (или) счёта как (1) источника прибыли и как (2) статьи расходов.

Первая смысловая категория (использование карт и счетов как источника прибыли) подразумевает наличие следующего явления: у разных банков — эмитентов банковской продукции разные условия обслуживания карты и (или) счёта, разные бонусные программы и проч. Источником дохода становится активное пользование бонусными программами: начисляемые баллы, конвертируемые в услуги; льготные условия при обращении к компаниям партнёров; подарки при участии в акциях; кэшбэк с остатка по счёту; кэшбэк с определёнными категориями трат и проч. Два последних вида бонусов (кэшбэк) представлены непосредственно в денежной форме, поэтому учёт их в качестве дохода вполне оправдан.

Пятый поток доходов — это, собственно говоря, проценты за остаток на счёте и кэшбэк с покупок по той карте, которую мы используем. Также процент на остаток по счёту и кэшбэки с личных карт (с моей личной карты, например с кредитной, и с кредитной карты девушки) (Антон, стаж сожительства — три года, не женат, полная занятость).

Вторая смысловая категория (использование карт и счетов как статьи расходов) тоже имеет право на существование. Она отражает наличие определённых затрат на: обслуживание карты и (или) счёты, переводы между картами с комиссией, оплата подключения определённых услуг (SMS-банкинг), страхование карты на определённую сумму или ежемесячное списание платежа за страховку средств на карте и проч. Всё это тоже вполне реальные деньги.

Таким образом, обе смысловые категории отражают реальные практики распределения бюджета.

Новым смыслом наделяются безналичные переводы. Они воспринимаются индивидами как ритуал. Причём выделяется несколько типов таких «ритуальных» переводов. Рассмотрим, например, переводы между своими картами и (или) счетами с определённой, устоявшейся периодичностью. Чаще всего такие переводы связаны с тем, что в пользовании индивида находится слишком много пластика, продифференцированного по источнику дохода: на разные карты приходят разные начисления. И в целях рациональности и удобства пользования индивид переводит все средства на одну или несколько своих основных карт, концентрирует доходы.

Переводы на сторонние карты и (или) счета также могут быть ритуализированы. Например, это помощь родителям, перевод на карту и (или) счёт общего пула и проч. Трансакции бывают фиксированными и закреплёнными по времени (то есть периодическими).

Перевод (оплата счетов и прочих статей расходов) тоже воспринимается как ритуал, причём реально значимый для ведения бюджета.

В качестве ещё одного важного смысла, вкладываемого в практики управления безналичными финансами в целом, можно назвать «невидимую руку» банка. Эта специфичная интерпретация акцентирует внимание на такой особенности распределения безналичных средств, как неизбежное взаимодействие с банковской системой, которая в некоторых случаях может даже направлять домохозяйство в сторону использования тех или иных практик (навязывание новых для домохозяйства банковских услуг и продуктов, подразумевающих изменение практик управления деньгами). Распоряжаясь финансами самостоятельно или управляя семейным бюджетом, индивиды чувствуют вмешательство, а иногда давление и контроль (в случае кредитных карт) со стороны «хозяина» используемых продуктов.

При этом присутствие третьей стороны в финансовых отношениях супругов может проходить без особого дискомфорта или, вообще, быть незаметным, а может вызывать недовольство.

Заключение

Подводя итоги проведённого исследования, можно сделать общие выводы и ответить на вопрос, вынесенный в название работы.

Итак, само *содержание* практик управления финансами в электронной экономике российских домохозяйств действительно мало изменилось по сравнению с ситуацией распределения наличных денег, описанной в литературе, но специфика этих практик заключается именно в новых *формах* их воспроизведения.

Так, например, разработанная Пал и Воглер типология систем управления деньгами подходит и для безналичных средств, однако при сохранении своей общей логики каждая из систем воспроизводится с некоторыми изменениями формата, особенностями в плане использования дополнительных возможностей электронной экономики.

Безналичные деньги в данном случае являются, скорее, *средством*, а не причиной изменений. Новые возможности и способы ведения бюджета в электронной экономике, активное использование новых ресурсов, продуктов банковской системы, средств технологий *помогают* домохозяйству приспособиться к постоянно изменяющимся окружающим условиям, воспроизвести привычную схему распределения денег и власти. Так, например, существующие в семейной паре механизмы доступа к финансам партнёра и контроля безналичных финансов друг друга, безусловно, имеют свои отличительные особенности и являются индикатором характера внутрисемейных отношений, а не отражают лишь изменения в финансовой системе.

Сама по себе электронная экономика может предоставлять лишь более удобные пути ограничения доступа к личным финансам и контроля за ними (ПИН-коды, пароли, «кодовые слова», SMS с кодами подтверждения транзакций, SMS-банкинг, интернет-банкинг и проч.), но выбор осуществляется именно домохозяйством. Таким образом, при переходе к использованию безналичных средств перераспределение финансовой власти в домохозяйстве и изменение механизмов к личным финансам и контроля за ними может выступать индикатором неудовлетворённости предыдущей системой.

При этом в практиках управления безналичными финансами изученных домохозяйств наблюдается, скорее, не тенденция автономизации самих индивидов и используемых механизмов принятия решений по финансовым вопросам (описанная в литературе), а сдвиг в сторону перераспределения власти в пользу супруга с большим доходом, большей степенью включённости в электронную экономику (у безналичных денег всегда есть хозяин, и хозяином, скорее, будет именно тот из супругов, у кого выше доход и кто более включён в электронную экономику).

В рассмотренных случаях такими супругами были как женщины, так и мужчины. Однако, наряду с возросшей ролью социально-экономических показателей, модель распределения гендерных ролей не исчезает в электронной экономике, но также обретает новые *формы* воспроизведения. Безналичные средства могут быть использованы как для усиления некоторых властных отношений внутри домохозяйства, так и для публичной демонстрации распределения гендерных ролей.

Сами безналичные средства в бюджете домохозяйства, как и в случае с наличными деньгами, *дифференцированы* по назначению, они обладают множеством смыслов и логик интерпретаций, однако эти смыслы весьма *специфичны*. Особыми смыслами обладают как сами новые формы денег, так и ситуации их распределения, среди которых наблюдаются как традиционное деление на «мужские» и «женские» деньги, целевые и проч., так и очень необычные смыслы — «безналичные деньги как источник дохода», «перевод как ритуал».

Разумеется, полностью охватить подобное явление во всей его многогранности на материале выборки из 10 домохозяйств абсолютно невозможно, и настоящее исследование, безусловно, следует рассматривать как пилотное. В то же время данная работа может послужить основой для будущего изучения распределения безналичных денег и власти в домохозяйствах в электронной экономике, например практик управления безналичными средствами в семьях с детьми разного возраста. Кроме того, возможно проведение качественных исследований на большей выборке, а также количественных исследований с использованием результатов проведённого качественного анализа.

При рассмотрении проблемы исследования один вопрос остался неразрешённым: возможно ли вообще изменение *содержательной* части практик управления финансами, связанной с переходом к электронной экономике, или же этот переход сам по себе отражает только изменение *формы* как самих денег, так и практик? Поиском ответа на этот вопрос можно заняться при дальнейшем изучении практик управления *безналичными* средствами.

Приложение

Таблица П.1

Информация о ключевых характеристиках информантов

№ домо- хозяйства	Имя*	Семейное положение	Стаж сожителства	Статус занятости
1	Александр Анастасия	Женаты	2 года	Полная занятость Полная занятость
2	Анна Антон	Не женаты	3 года	Полная занятость Полная занятость
3	Виктория Владимир	Не женаты	2,5 года	Полная занятость Полная занятость
4	Дарья Дмитрий	Не женаты	Полгода	Временно не трудоустроена Полная занятость
5	Елена Евгений	Женаты	5 лет	Временно не трудоустроена Полная занятость
6	Ксения Кирилл	Не женаты	Полгода	Неполная занятость Полная занятость
7	Мария Максим	Не женаты	1 год	Полная занятость Неполная занятость
8	Надежда Никита	Женаты	2 года	Неполная занятость Временно не трудоустроен
9	Светлана Сергей	Женаты	7 лет	Полная занятость Временно не трудоустроен
10	Татьяна Тимофей	Женаты	4 года	Временно не трудоустроена Временно не трудоустроен

* Для сохранения конфиденциальности использованы вымышленные имена.

Литература

- Банковские карты: иметь — не значит пользоваться. 2015. *НАФИ*. URL: <http://nacfin.ru/bankovskie-karty-imet-ne-znachit-polzovatsya/>
- Беккер Г. С. 2003. *Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории*. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Гусева А. 2012. *Карты в руки. Зарождение рынка банковских карт в постсоветской России*. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Держатели банковских карт. 2014. *Левада-Центр*. URL: <http://www.levada.ru/15-09-2014/derzhateli-bankovskikh-kart> (дата обращения: 6 сентября 2017).
- Здравомыслова Е., Тёмкина А. 2002. Кризис маскулинности в позднесоветском дискурсе. В сб.: Ушакин С. (сост.). *О муже(Н)ственности*. М.: НЛЮ; 432–451.
- Зелизер В. 2002. Создание множественных денег. *Экономическая социология*. 3 (4): 58–72. URL: <https://ecsoc.hse.ru/2002-3-4.html>

- Зелизер В. 2004. *Социальное значение денег: деньги на булавки, чеки, пособия по бедности и другие денежные единицы*. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Ибрагимова Д. Х. 2012. Кто управляет деньгами в российских семьях? *Экономическая социология*. 13 (3): 22–56. URL: <https://ecsoc.hse.ru/2012-13-3/55591250.html>
- Ибрагимова Д. Х. 2016. Деньги, гендер, власть в домохозяйстве: концептуальные подходы. *Экономическая социология*. 17 (2): 116–146. URL: <https://ecsoc.hse.ru/2016-17-2/179463833.html>
- Льюкс С. 2010. *Власть: радикальный взгляд*. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Мониторинг финансового поведения населения: экономико-социологический анализ. 2013. *НИУ ВШЭ*. URL: <http://www.hse.ru/org/projects/79650964> (Дата обращения: 6 сентября 2017 г.).
- Сколько россиян имеют банковские карты? 2017. *НАФИ*. URL: <https://nafi.ru/analytics/skolko-rossiyan-imeyut-bankovskie-karty/>
- Статистика использования банковских карт. 2017. *Центральный банк РФ*. URL: http://www.cbr.ru/statistics/p_sys/print.aspx?file=sheet001.htm&pid=psrf&sid=ITM_30245 (Дата обращения: 6 сентября 2017 г.).
- Bennett F. et al. 2012. Financial Togetherness and Autonomy within Couples. In: Scott J., Dex S., Plagnol A. C. (eds). *Gendered Lives: Gender Inequalities in Production and Reproduction*. Cheltenham: Edward Elgar; 97–122.
- Bonke J. 2008. Income Distribution and Financial Satisfaction between Spouses in Europe. *Journal of Socioeconomics*. 37: 2291–2303.
- Brines J. 1994. Economic Dependency, Gender, and the Division of Labor at Home. *American Journal of Sociology*. 100 (3): 652–688.
- Burgoyne C. 1990. Money in Marriage: How Patterns of Control Both Reflect and Conceal Power. *The Sociological Review*. 38: 634–665.
- Clarke S. 2002. Budgetary Management in Russian Households. *Sociology*. 36 (3): 539–557.
- Ford J. 1991. *Consuming Credit, Debt and Poverty in the UK*. London: CPAG.
- Ibragimova D., Guseva A. 2017. Who is in Charge of Family Finances in the Russian Two-Earner Households? *Journal of Family Issues*. 38 (17): 2425–2448
- Kenney C. T. 2006. The Power of the Purse: Allocative Systems and Inequality in Couple Households. *Gender & Society*. 20 (3): 354–381.
- Lewis A., Betts H., Webley P. 1997. *Financial Services: a Literature Review of Consumer Attitudes, Preferences and Perceptions*. Bath: University of Bath School of Social Sciences.
- Lott Y. 2017. When My Money Becomes Our Money: Changes in Couples' Money Management. *Social Policy and Society*. 16 (2): 199–218.

- Mavrokonstantis P. 2015. *Modern Family: Female Breadwinners and the Intergenerational Transmission of Gender Norms*. URL: <http://sticerd.lse.ac.uk/dps/pep/gendernorms.pdf>
- Pahl J. 1983. The Allocation of Money and the Structuring of Inequality Within Marriage. *The Sociological Review*. 31 (2): 237–262.
- Pahl J. 1999a. *Invisible Money: Family Finances in the Electronic Economy*. Bristol: Policy Press.
- Pahl J. 1999b. *Patterns of Exclusion in the Electronic Economy*. Paper presented at the Seventh International Interdisciplinary Congress on Women. Tromso, Norway, 20–26 June 1999.
- Pahl J. 2000. Couples and Their Money: Patterns of Accounting and Accountability in the Domestic Economy. *Accounting, Auditing and Accountability Journal*. 13 (4): 502–517.
- Pahl J. 2008. Family Finances, Individualisation, Spending Patterns and Access to Credit. *Journal of Socio-Economics*. 37 (2): 577–591.
- Ridgeway C. L. 2011. *Framed by Gender: How Gender Inequality Persists in the Modern World*. New York: Oxford University Press.
- Safilios-Rothschild C. 1970. The Study of Family Power Structure: A Review 1960–1969. *Journal of Marriage and Family*. 32 (4): 539–552.
- Shy O. 2008. Measuring the Cost of Making Payment Decisions. *Journal of Socio-Economics*. 37 (6): 2411–2416.
- Vogler C., Brockmann M., Wiggins R. 2006. Intimate Relationships and Changing Patterns of Money Management at the Beginning of the Twenty-First Century. *British Journal of Sociology*. 3 (57): 455–482.
- Vogler C., Pahl J. 1994. Money, Power and Inequality within Marriage. *The Sociological Review*. 42 (2): 263–288.
- Vogler C. 1998. Money in the Household: Some Underlying Issues of Power. *The Sociological Review*. 46 (4): 687–713.
- Yodanis C., Lauer S. 2007. Managing Money in Marriage: Multilevel and Cross-National Effects of the Breadwinner Role. *Journal of Marriage and Family*. 69 (5): 1307–1325.
- Yodanis C., Lauer S. 2014. Is Marriage Individualized? What Couples Actually Do. *Journal of Family Theory and Review*. 6 (2): 184–197.

DEBUT STUDIES

Tatyana Zagoruyko

Non-Cash Money in Family Budget: Do Financial Management Practices Change?

ZAGORUYKO, Tatyana — Master Student, the “Applied Methods of Social Analysis of Markets”; National Research University Higher School of Economics. Address: 20 Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation.

Email: tanya.zagoruyko@gmail.com

Abstract

The purpose of the current research was to study the financial management practices of non-cash money in modern Moscow households. Particular attention to non-cash money is determined by the hypothesis that, in the era of an electronic economy, when money becomes more and more abstract and invisible, financial management practices (i.e., the ways people control and distribute their resources) could change [Pahl 1999 a].

The goal of the research was achieved through the deployment of qualitative sociological methods: 20 semi-structured interviews were held with partners living together for more than half a year (married or cohabiting); therefore, 10 households were included in the final sample. The subsequent data analysis led to the following conclusions: The peculiarities of managing non-cash money in a household are determined by reproducing habitual patterns in new formats using new ways, services, and opportunities with which people are provided in an electronic economy. These new formats can be very unique with respect to reproducing household financial allocative systems (provided by Pahl and Vogler), the ways financial power is allocated, and the schemes for accessing partners' finances and regulations in an electronic economy and in terms of meanings ascribed to the distribution of new money forms.

Keywords: electronic economy; family budget; practices of financial management; household financial allocative systems; financial power within households; non-cash money.

Acknowledgements

Author expresses special gratitude to the research advisor Dilyara Ibragimova for invaluable help, support and inspiration at all stages of the work.

References

- Bankovskie karty: imet' ne znachit pol'zovatsya* [Bank Cards: to Have Does Not Mean to Use]. (2015) Available at: <http://nacfin.ru/bankovskie-karty-imet-ne-znachit-polzovatsya/> (accessed 6 September 2017) (in Russian).
- Becker G. (2003) *Chelovecheskoye povedeniye: ekonomicheskiy podkhod. Izbrannye raboty po ekonomicheskoy teorii* [Human Behavior: the Economic Approach. Selected Works on Economic Theory], Moscow: HSE Publishing House (in Russian).
- Bennett F., De Henau J., Himmelweit S., Sung S. (2012) Financial Togetherness and Autonomy within Couples. *Gendered Lives: Gender Inequalities in Production and Reproduction* (eds. J. Scott, S. Dex, A. C. Plagnol), Cheltenham: Edward Elgar, pp. 97–122.

- Bonke J. (2008) Income Distribution and Financial Satisfaction between Spouses in Europe. *Journal of Socio-economics*, vol. 37, pp. 2291–2303.
- Brines J. (1994) Economic Dependency, Gender and the Division of Labor at Home. *American Journal of Sociology*, vol. 100, no 3, pp. 652–688.
- Burgoyne C. (1990) Money in Marriage: How Patterns of Control Both Reflect and Conceal Power. *The Sociological Review*, vol. 38, pp. 634–665.
- Clarke S. (2002) Budgetary Management in Russian Households. *Sociology*, vol. 36, no 3, pp. 539–557.
- Derzhateli bankovskikh kart* [Bank Card Holders]. (2014) Available at: <http://www.levada.ru/15-09-2014/derzhateli-bankovskikh-kart> (accessed 6 September 2017) (in Russian).
- Ford J. (1991) *Consuming Credit, Debt and Poverty in the UK*, London: CPAG.
- Guseva A. (2012) *Karty v ruki. Zarozhdeniye rynka bankovskikh kart v postsovetskoy Rossii* [Into the Red: the Birth of the Credit Card Market in Postcommunist Russia], Moscow: HSE Publishing House (in Russian).
- Ibragimova D. K. (2012) Kto upravlyaet den'gami v rossiyskikh sem'yakh [Who Manages Money in Russian Families]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 13, no 3, pp. 22–56. Available at: https://ecsoc.hse.ru/data/2012/06/29/1255786111/ecsoc_t13_n3.pdf#page=22 (accessed 6 September 2017) (in Russian).
- Ibragimova D. K. (2016) Den'gi, gender, vlast' v domokhozyaystve: kontseptual'nye podkhody [Money, Gender, Power in the Household: Conceptual Approaches]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 17, no 2, pp. 116–145. Available at: https://ecsoc.hse.ru/data/2016/04/01/1126456877/ecsoc_t17_n2.pdf#page=116 (accessed 6 September 2017) (in Russian).
- Ibragimova D., Guseva A. (2017) Who Is in Charge of Family Finances in the Russian Two-Earner Households? *Journal of Family Issues*, vol. 38, no 17, pp. 2425–2448.
- Kenney C. T. (2006) The Power of the Purse: Allocative Systems and Inequality in Couple Households. *Gender & Society*, vol. 20, no 3, pp. 354–381.
- Lewis A., Betts H., Webley P. (1997) *Financial Services: A Literature Review of Consumer Attitudes, Preferences and Perceptions*, Bath: University of Bath School of Social Sciences.
- Lott Y. (2017) When My Money Becomes Our Money: Changes in Couples' Money Management. *Social Policy and Society*, vol. 16, no 2, pp. 199–218.
- Lukes S. (2010) *Vlast': Radikal'nyy vzglyad* [Power: A Radikal View], Moscow: HSE Publishing House (in Russian).
- Mavrokonstantis P. (2015) *Modern Family: Female Breadwinners and the Intergenerational Transmission of Gender Norms*. Available at: <http://sticerd.lse.ac.uk/dps/pep/gendernorms.pdf> (accessed 6 September 2017).

- Monitoring finansovogo povedeniya naseleniya: ekonomiko-sotsiologicheskii analiz* [Monitoring of Financial Behavior of the Population: the Economic-Sociological Analysis]. (2013) Available at: <http://www.hse.ru/org/projects/79650964> (accessed 6 September 2017) (in Russian).
- Pahl J. (1983) The Allocation of Money and the Structuring of Inequality Within Marriage. *The Sociological Review*, vol. 31, no 2, pp. 237–262.
- Pahl J. (1999a) *Invisible Money: Family Finances in the Electronic Economy*, Bristol: Policy Press.
- Pahl J. (1999b) *Patterns of Exclusion in the Electronic Economy*. Paper presented at the Seventh International Interdisciplinary Congress on Women, Tromsø, Norway, 20–26 June 1999.
- Pahl J. (2000) Couples and Their Money: Patterns of Accounting and Accountability in the Domestic Economy. *Accounting, Auditing and Accountability Journal*, vol. 13, no 4, pp. 502–517.
- Pahl J. (2008) Family Finances, Individualisation, Spending Patterns and Access to Credit. *Journal of Socio-Economics*, vol. 37, no 2, pp. 577–591.
- Ridgeway C. L. (2011) *Framed by Gender: How Gender Inequality Persists in the Modern World*, New York: Oxford University Press.
- Safilios-Rothschild C. (1970) The Study of Family Power Structure: A Review 1960–1969. *Journal of Marriage and Family*, vol. 32, no 4, pp. 539–552.
- Shy O. (2008) Measuring the Cost of Making Payment Decisions. *Journal of Socio-Economics*, vol. 37, no 6, pp. 2411–2416.
- Skol'ko rossiyan imeyut bankovskie karty?* [How Many Russians Have Bank Cards?] (2017) Available at: <https://nafi.ru/analytics/skolko-rossiyan-imeyut-bankovskie-karty/> (accessed 6 September 2017) (in Russian).
- Statistika ispolzovaniya bankovskikh kart* [Statistics of the Use of Bank Cards]. (2017) Available at: http://www.cbr.ru/statistics/p_sys/print.aspx?file=sheet001.htm&pid=psrf&sid=ITM_30245 (accessed 6 September 2017) (in Russian).
- Vogler C., Brockmann M., Wiggins R. (2006) Intimate Relationships and Changing Patterns of Money Management at the Beginning of the Twenty-First Century. *British Journal of Sociology*, vol. 3, no 57, pp. 455–482.
- Vogler C., Pahl J. (1994) Money, Power and Inequality Within Marriage. *The Sociological Review*, vol. 42, no 2, pp. 263–288.
- Vogler C. (1998) Money in the Household: Some Underlying Issues of Power. *The Sociological Review*, vol. 46, no 4, pp. 687–713.
- Yodanis C., Lauer S. (2007) Managing Money in Marriage: Multilevel and Cross-National Effects of the Breadwinner Role. *Journal of Marriage and Family*, vol. 69, no 5, pp. 1307–1325.

Yodanis C., Lauer S. (2014) Is Marriage Individualized? What Couples Actually Do. *Journal of Family Theory and Review*, vol. 6, no 2, pp. 184–197.

Zdravomyslova E., Tyomkina A. (2002) Krizis maskulinnosti v pozdnesovetskom diskurse. [The Crisis of Masculinity in the Late Soviet Discourse]. *O muzhe(N)stvennosti* [About Masculinity], Moscow: NLO, pp. 432–451.

Zelizer V. (2002) Sozdanie mnozhestvennykh deneg [Creating Multiple Money]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 3, no 4, pp. 58–72. Available at: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205038/ecsoc_t3_n4.pdf#page=58 (accessed 6 September 2017) (in Russian).

Zelizer V. (2004) *Sotsial'noye znachenije deneg: den'gi na bulavki, cheki. posobiya po bednosti i drugiye denezhnyye edinitsy* [The Social Meaning of Money: Pin Money, Paychecks, Poor Relief and Other Currencies], Moscow: HSE Publishing House (in Russian).

Received: January 10, 2017

Citation: Zogoruyko T. (2017) Beznalichnye sredstva v semeynom bjudzhete: menyayutsya li praktiki upravleniya finansami? [Non-Cash Money in Family Budget: Do Financial Management Practices Change?]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol 18, no 5, pp. 111–138. doi: 10.17323/1726-3247-2017-5-111-138